

Л. А. АРМЕЕВА

УЧИЛИЩЕ ИКОНОПИСАНИЯ В СТЕНАХ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Иконописная школа при Московской духовной академии, находящейся в Троице-Сергиевой Лавре, — это, пожалуй, единственное сегодня учебное заведение подобного типа, которое имеет давнюю и интересную историю, о чем выразительно и просто писал еще в начале XX в. известный профессор Академии А. П. Голубцов: «Среди имеющихся у нас на Руси духовных училищ живописи по давности возникновения, многолюдству учащихся, относительной благоустроенности и сравнительному достатку художественно-образовательных и еще более церковно-археологических средств одно из первых мест занимает иконописная школа Троице-Сергиевой Лавры»¹.

Теснейшим образом история этой школы связана с историей Троице-Сергиевой Лавры, приютившей в своих стенах также Духовную семинарию (несколько позже и Академию), а вместе с ней — Иконописную школу. В разные времена школа эта имела не только разные названия, но и разный статус. Вначале это был Иконописный класс при Семинарии. Потом она существовала при Лавре и именовалась различно: и рисовальной, и живописной, и иконописной.

Современный период Иконописной школы в стенах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры начинается в 1990 г. Это была первая школа, появившаяся в Русской Православной Церкви в новейший период. По решению Священного Синода от 13 сентября 1989 г. ее образовали при Московской духовной академии.

О предыстории школы в 50–70-х гг. прошлого столетия сегодня известно достаточно хорошо. Этот отрезок времени тесно связан с име-

¹ Голубцов 1903. С. 237.

нем Марии Николаевны Соколовой (монахини Иулиании), известного иконописца и реставратора². Методические разработки М. Н. Соколовой легли в основу учебной программы Иконописной школы. Ее книга «Труд иконописца»³ и до сих пор является настольной для начинающих мастеров. Жизни и творчеству Марии Николаевны посвящены несколько широко известных изданий⁴.

Об истории же иконописной школы в стенах Троице-Сергиевой Лавры до революции известно сравнительно немного. Существуют публикации, посвященные истории иконописания в стенах Лавры, отдельным художественным направлениям, отдельным деятелям. Становлению школы в первые полтора десятилетия ее существования посвящена работа известного богослова, профессора Духовной академии Александра Петровича Голубцова «О начале, первых деятелях (1744—1759 гг.) и направлении иконописной школы Троице-Сергиевой Лавры»⁵, увидевшая свет в 1903 г. К истории школы обращается в своем труде «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» известный церковный историк Евгений Евстигнеевич Голубинский⁶. Наиболее полно интересующая нас тема рассматривается в исследовании иеромонаха Арсения «Исторические сведения об иконописании в Троице-Сергиевой Лавре»⁷, опубликованном в 1873 г. На эту небольшую по объему, но достаточно насыщенную фактами работу ссылаются практически все авторы, обращающиеся прямо или косвенно к теме иконописания в стенах Троице-Сергиевой Лавры. Там рассматривается период со времени прп. Сергия до середины XIX в.

² М. Н. Соколова (1899—1981) возглавила иконописный кружок с ноября 1957 и руководила им в течение 23 лет. Организовал кружок еще в 1951—52 уч. году о. Сергий Голубцов (впоследствии архиепископ Новгородский и Старорусский, † 1982). С 1955 г. кружком некоторое время руководил преподаватель церковной археологии А. Д. Остапов, и его же стараниями была привлечена к педагогической работе М. Н. Соколова.

³ *Иулиания, монахиня (Соколова М. Н.). Труд иконописца.* СПб: СТСЛ, 1995.

⁴ *Алдошина Н. Е.* Благословенный труд. М.: МДА, 2001, и др.

⁵ *Голубцов 1903.* С. 237.

⁶ *Голубинский 2007.*

⁷ *Арсений, иеромонах 1873.*

Из современных исследователей назовем научных сотрудников Государственного Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника Л. А. Шитову⁸, О. И. Зарицкую⁹, Г. П. Черкашину¹⁰, Л. М. Воронцову¹¹ и других, занимающихся изучением различных направлений художественной деятельности Лавры. В работах этих авторов дается подробный искусствоведческий и стилистический анализ художественных произведений, вышедших из стен монастыря (живописные и эмалевые, печатные и резные иконы, серебряная утварь, мелкая пластика и т. п.), характеристики различных мастерских и производств. Наиболее близким к нашей теме является исследование Г. П. Черкашиной «Иконописное дело Троице-Сергиевой Лавры 1764–1917 гг.».

Тем не менее, при достаточном многообразии исторических сведений, с которыми мы встречаемся в названных исследованиях, ни в одном из них нет сколько-нибудь полной картины становления и развития собственно истории иконописной школы со времени ее основания в середине XVIII в. и до вынужденного закрытия в лихие 20-е гг. XX столетия. По всей видимости, пока такая задача никем из исследователей просто не ставилась. Нас же будет интересовать история лаврской¹² иконописной школы как учебного заведения, ее возникновение и становление, ее структура, социальный состав учащихся, соотношение принципов преподавания и обучения, отношение к святоотеческой традиции и художественные ориентиры в разные периоды существования школы.

⁸ Шитова Л. А. Живописная школа Троице-Сергиева монастыря в XVIII веке // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия. Сб. статей под редакцией М. Красилина. М.: ГосНИИР, 2001. С. 87–99.

⁹ Зарицкая О. И. Литографская мастерская Троице-Сергиевой Лавры и ее значение для творческой деятельности монастыря в XIX веке // Троице-Сергиева Лавра в истории... 2000. С. 412–428.

¹⁰ Черкашина 2000.

¹¹ Воронцова Л. О некоторых особенностях Троицких икон XVI–XVII вв.: К проблеме атрибуции // Троице-Сергиева Лавра в истории... 2000. С. 283–308.

¹² Основной период своего существования школа была в структуре монастыря. Да, собственно, и в первый период своего существования, когда школа относилась к Семинарии, сама Семинария относилась к монастырю.

1. ИКОНОПИСНАЯ ШКОЛА В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ
ЛАВРЕ С 1746 ПО 1885 Г.

В целом, в истории дореволюционной иконописной школы, располагавшейся в стенах Лавры, можно было бы выделить четыре основных периода:

I. 1746—1764 гг.

II. 1764—1831 гг.

III. 1831—1885 гг.

IV. 1885—1918 гг.

Первый период — это время возникновения и первых шагов школы. Настоятелем Троицкого монастыря в то время был архиепископ Арсений (Могилянский)¹³, а наместником — архимандрит Иоасаф (Горленко)¹⁴. Если быть более точными, то указом преосвященного Арсения была открыта еще не школа, а класс Иконописи при Семинарии, учрежденной в Лавре в 1742 г.¹⁵ Попытки открыть этот класс были предприняты архиепископом Арсением сразу же по приезде в Лавру в 1744 г., но в силу различных причин они не увенчались успехом, и фактически открыт такой класс был только в 1746 г. В этот класс были набраны 10 учащихся семинарии, чуть позже к ним по приказу наместника Лавры архимандрита Афанасия (Вольховского) были присоединены крестьянские мальчики из лаврской вотчины — села Холуй Вязниковского уезда Владимирской губернии. Для обучения набранных учеников были приглашены малороссы: сначала мастер Николай Каменский, затем иеромонах Павел (Казанович), — хорошо знакомые и настоятелю, и наместнику по украинскому периоду их служения.

¹³ Арсений II (Могилянский), архиепископ Переславский, впоследствии митрополит Киевский. Был настоятелем Лавры в 1744—1752 гг.

¹⁴ Иоасаф (Горленко) — архиепископ Белгородский с 1748 г. Канонизирован в 1911 г. Был наместником Лавры в 1745—1748 гг.

¹⁵ Учредить Семинарию в Лавре предписала императрица Анна Иоанновна указом от 21 сентября 1738 г. Фактически она была открыта при Елизавете Петровне 2 октября 1742 г., при настоятеле архимандрите Кирилле III (Флоринском), управлявшем Лаврой в 1742—1744 гг.

1764 год, которым закончился первый период существования школы и начался второй, является, несомненно, переломным в жизни всей Русской Церкви. Упразднение монастырских вотчин и учреждение штатов коренным образом изменило многие внутрицерковные взаимоотношения. Семинария, а вместе с ней и Иконописный класс, сохранившиеся на счет сумм лаврских, должны были, по отобранию у монастырей имений, лишиться всех средств к содержанию. Поэтому этот период являлся, очевидно, самым сложным временем в истории существования школы. «1764 год также был настолько тяжел для семинарии, что она обречена была на закрытие; только один Платон (митрополит Платон (Левшин). — Л. А.) своим влиянием при дворе мог сделать то, что она сохранила свое существование»¹⁶. Содержание учеников в этот период сильно ухудшилось. И если при Троицкой семинарии Иконописный класс еще продолжал существовать, то при Вифанской семинарии, к которой присоединили Троицкую, о таковом уже никаких упоминаний не встречается ни в архивах, ни в воспоминаниях, ни в исторических публикациях. В это время попадают только отрывочные сведения о лаврской живописной школе. В 1780—1780-х гг. ведущим монастырским живописцем был Исидор Ленков. Ему же было поручено обучать подростков, набранных из лаврских штатнослужительных детей по указу митрополита Платона¹⁷. Обучение там, скорее всего, вернулось к средневековым методам, когда одному иконописцу поручались несколько учеников, которые, работая рядом с мастером, в меру своей наблюдательности и трудолюбия постепенно осваивали ремесло. Но ученики эти были мало востребованы, да и своей профессиональной подготовкой были мало довольны. Об этой проблеме, основываясь на архивных данных, пишет Г. П. Черкашина в вышеупомянутой работе¹⁸.

В начале XIX в. школой руководил иеромонах Афанасий¹⁹, позже ставший наместником Лавры и знавший искусство иконописания.

¹⁶ Смирнов С. К. История Троицкой семинарии. М., 1867. С. 121.

¹⁷ Черкашина 2000. С. 371

¹⁸ Там же.

¹⁹ Архимандрит Афанасий (Федоров) был наместником Лавры с 1818 по 1831 г.

Вначале он «обратил было внимание на это дело и практически руководил занимающимися этим мастерством, но потом предоставил художников самим себе. Человек до десяти занимались этим делом, но весьма неудовлетворительно. Иконы писались только для поднесения посетителям; охотников покупать их не было. Трудясь для обители, штатные получали только шесть рублей в год жалованья. Для своего содержания они занимались преимущественно малярною работою как более выгодною»²⁰.

Третий период начинается только в 1831 г. с назначением лаврским наместником архимандрита Антония (Медведева), который руководил обителью более 40 лет. Из воспоминаний современников о прп. Антонии мы знаем, что «был он одним из замечательнейших лиц православного монашества в наше время. Человек самого незнатного происхождения, он достиг такой известности, что его знала не только вся Россия, но и многие за границей, как на Востоке, так и на Западе»²¹. В течение своей жизни о. Антоний был знаком и общался со многими святыми мужами (в юности — с прп. Серафимом Саровским, в зрелом возрасте — со святителями Иннокентием и Филаретом).

По натуре своей архимандрит Антоний был человеком весьма разносторонним и деятельным, внимательно вникавшим во все стороны жизни. Будучи мужем духоносным, стремившимся к поддержанию духа истинного иночества, он понимал важность и необходимость иметь в монастыре не только иконописную мастерскую, но и школу, и приложил немало усилий к ее устройению. Открыта была такая школа в 1846 г. Сначала она находилась в Донском (ныне именуемом Варваринским) корпусе, а потом под кельями наместника. В 1849 г. для школы и мастерской было построено свое, очень удобное помещение «на западной стороне в третьем этаже близ башни, над сенями к наместничьим кельям и над Духовным собором»²². Иеромонах Арсений в своем исследовании рассказывает нам о численности учащихся и структуре

²⁰ *Казанский 1878. С. 39.*

²¹ *Толстой М. В., граф. Хранилище моей памяти. М., 1995. С. 73.*

²² *Голубинский 2007. С. 279.* Это помещение находится в Казначейском корпусе, за Лестничной башней. С 2001 г. там находится лаврская Иконописная мастерская.

школы в этот период, когда она постепенно достигла «обширных размеров и взошла на степень цветущего состояния».²³ Состояла школа из двух отделений. В первом, собственно учебном, обучалось «греческой иконописи до 60 мальчиков из разных местностей на полном монастырском содержании»²⁴. Второе ее отделение являлось фактически мастерской, где выполнялись различные заказы. Всего в этом отделении находилось до 20 человек. Руководил первым отделением иеромонах Симеон²⁵, живописец, а вторым — художник Иван Малышев²⁶. «Для более верного копирования древних икон, достопамятных по святине и древности вещей, в лаврской ризнице хранящихся»²⁷, священноначалие Лавры организовало литографскую (1843 г.) и фотографическую (1859 г.) мастерские, которые устроены были по последним достижениям науки²⁸.

2. ПЕРИОД СОЕДИНЕНИЯ ИКОНОПИСНОЙ ШКОЛЫ С МОСКОВСКИМ ЕПАРХИАЛЬНЫМ УЧИЛИЩЕМ ИКОНОПИСАНИЯ

Последний же дореволюционный период существования школы начинается в 1885 г. Он ознаменован переводом в Лавру Московского епархиального училища иконописания. Именно на этом этапе мы и намереваемся подробнее остановиться в данной работе. Период этот, к сожалению, практически не изучен, поскольку после 1918 г. и до конца XX столетия к этой теме никто не обращался. Есть только краткое

²³ *Арсений, иеромонах 1873*. С. 126.

²⁴ Там же.

²⁵ Иеромонах Симеон возглавлял школу с 1852 по 1896 г.

²⁶ Иван Матвеевич Малышев, бывший штатнослужащий Лавры, в 1859 г. удостоенный звания некласного художника живописи. В 1861 г., по сведениям иеромонаха Антония, пожалован серебряною медалью «за усердие». В 1867 г. он (как и о. Симеон) принял участие во Всемирной парижской выставке.

²⁷ *Арсений, иеромонах 1873*. С. 128.

²⁸ Знакомством с этими последними нововведениями был потрясен посетивший зимой 1859 г. Троицкую Лавру известный французский писатель и путешественник Теофиль Готье. Он описывает свои впечатления в книге «Путешествие по России» (М., 1988. С. 287).

упоминание о Епархиальном училище иконописания (в бытность его в Москве) в контексте диссертационного исследования, посвященного теме подготовки православных иконописцев в России, у А. В. Ивановой, появившемся в 2005 г.²⁹ Не пытаясь делать пока каких-либо глубоких выводов и не проводя параллелей, попробуем на основе изучения архивных материалов просмотреть основную историческую канву событий этого последнего периода.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают период с 1873 по 1918 г. Нижняя граница — это год учреждения в Москве Епархиального училища иконописания (подведомственного священно-архимандриту Троице-Сергиевой Лавры митрополиту Московскому), в 1885 г. переведенному в Лавру, а верхний предел — смена политического строя в стране и закрытие Училища иконописания в Лавре, которое произошло в 1918 г.

Основными источниками для изучения данного периода являются архивные материалы из 1204 фонда (опись 1) Российского государственного архива древних актов (РГАДА), материалы из фондов 203, 229, 427, 1608 Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), фонда 802 Российского государственного исторического архива (РГИА).

Вполне организованный и отлаженный порядок жизни лаврской иконописной школы (чаще ее в это время называли живописной) был нарушен весной 1885 г., когда постановлением Святейшего Синода за № 763 от 5 мая этого года в Лавру из Москвы было переведено Епархиальное училище иконописания. Священноначалию Лавры нужно было за несколько месяцев подготовить помещения для жилья и занятий, подобрать учителей и инспекцию, выбрать учебные программы, подготовить образцы и многое другое. Все эти работы были благополучно выполнены, так что с 1 октября 1885 г. занятия в объединенной школе начались.

²⁹ *Иванова А. В.* Кандидатская диссертация на тему «Подготовка православных иконописцев в России: традиции и современность». СПб., 2005. С. 82.

3. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УЧИЛИЩА ИКОНОПИСАНИЯ С 1873 ПО 1885 Г.

Далее целесообразно было бы вернуться на 12 лет назад и остановиться подробнее на истории Московского епархиального училища иконописания. Полное его название, согласно Уставу, высочайше утвержденному 8 января 1873 г., звучало так: «Московское епархиальное училище иконописания и ремесел, относящихся к украшению храмов». Помещалось оно в Москве, на Ордынке («в Москве, Якиманской Части, 2 квартала под № 177, в приходе церкви Скорбящей Божия Матери»³⁰) в доме, пожертвованном специально для этого Училища потомственным почетным гражданином купцом Давидом Ивановичем Хлудовым³¹. В Уставе разъясняется ближайшая цель создания Училища: «Учреждается для бедных детей духовенства Московской епархии с целью, при добром воспитании и достаточном общем образовании, доставить им средства к жизни чрез обучение ремеслам»³². Состояло Училище в ведении Московского епархиального начальства и пользовалось всеми правами и преимуществами духовных училищ. Ближайшее заведывание этим Училищем осуществлялось особым Советом, состоящим из пяти избранных протоиереев или священников города Москвы, один из них назначался председателем Совета. Непременным членом Совета состоял также благотворитель Училища потомственный почетный гражданин Д. И. Хлудов. О том, как появилась сама идея создания такого учебного заведения, видно из прошения вышеозначенного купца Хлудова на имя Преосвященного Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского (являвшегося также и священноархимандритом Троице-Сергиевой Лавры). В этом письме, в частности, говорится о том, что «17 февраля 1871 г. в заседании Общества любителей духов-

³⁰ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23485. Л. 5.

³¹ Давид Иванович Хлудов (1823–1886), известный церковный благотворитель, устроитель двух монастырей, нескольких церквей, начальных училищ и богаделен при монастырях и церквях. В 1857 г. — егорьевский голова, с 1879 г. — статский советник. Имел за благотворительность награды: Станислава 2 ст., Анны 2 ст., Владимира 3 ст.

³² РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23489. Л. 7.

ного просвещения (при котором существовал и отдел иконоведения)³³ была высказана художником Струковым мысль об учреждении при отделе иконоведения школы иконописания с мастерской»³⁴. Всячески сочувствуя этой идее, купец Хлудов заявил об учреждении 10-ти стипендий для учащихся, а чуть позже он же выразил готовность пожертвовать собственный 3-х этажный каменный дом «с землей и со всеми принадлежностями» в вечное пользование епархиальному ведомству³⁵. Но совершая это пожертвование, Хлудов тут же оговаривает свое условие — чтобы в доме помещалась иконописная школа с мастерскими православного иконописания. Говорит об этом настойчиво, дважды. «Надеюсь, Ваше Высокопреосвященство, Вы соизволите великодушно принять мое пожертвование, испросите Высочайшее утверждение на владение домом и благоволите исполнить мое сердечное желание, чтобы не другое что, а именно иконописная школа с другими ремесленными учебными мастерскими помещалась в нем»³⁶. В ответном письме г. Хлудову (от 14 марта 1873 г.) митрополит Иннокентий обозначает две причины, положенные в основу создания Училища: «Вы первым положили начало этому заведению... Можно надеяться, что новоустроенное училище, с Божией помощью, послужит средством не только к обеспечению участи многих бедных сирот духовенства московской епархии, но и к распространению и усовершенствованию самого искусства иконописания, столь важного для Православной Церкви»³⁷.

В течение двух лет (1871—1873 гг.) шла постепенная подготовка к открытию Училища, которое состоялось 30 сентября 1873 г. Сохранились архивные документы, рассказывающие о подготовке к этим

³³ Общество любителей духовного просвещения образовано в Москве в 1863 г. При нем с 1900 г. существовал Отдел церковной археологии, образованный из двух отделов — Иконоведения и Исторической археологии, существовавших при Отделе с 1869 г.

³⁴ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23486. Л. 6.

³⁵ Позже в своем духовном завещании он оставил для училищной библиотеки все свои книги.

³⁶ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23486. Л. 7 (из письма купца Хлудова на имя митрополита Московского, 1871).

³⁷ Там же. Д. 23489. Л. 14.

торжествам³⁸. В актовой речи Председатель Совета Училища протоирей Алексей Ключарев «указал собранию исторический ход дела устройства училища и его значение для духовенства, представил, чем обязано в этом деле духовенство своему Архипастырю»³⁹, рассказал об истории возникновения училища. Он напомнил, что мысль об училище собственно иконописания возникла в Обществе любителей духовного просвещения; и что владыка, со своей стороны, давно желал устройства ремесленного училища для детей духовенства (особенно бедных); и что «обе эти мысли соединились и, при благотворительном участии г. Хлудова, получили свое осуществление»⁴⁰. Чуть позже мы увидим, и не раз, что эти две задачи — поддержать бедное духовенство и усовершенствовать иконописание — придут впоследствии в некоторое противоречие друг с другом и дадут повод к переводу Училища в Лавру.

Содержание Училища складывалось из нескольких сумм. Во-первых, это были именные стипендии купца Хлудова (10 стипендий по 70 рублей) и доход с пожертвованного им дома (часть которого сдавалась внаем, и за нее выручалось до 2 500 рублей). Во-вторых, это средства, перешедшие на содержание Училища иконописания после закрытия Андрониевского духовного училища (2 400 рублей). И, в-третьих, епархиальные средства и пожертвования от некоторых монастырей. В целом на содержание Училища предназначалась сумма до 10 400 рублей серебром. Это важно отметить, так как впоследствии, когда Училище переведут в Лавру, мы увидим, что там не будет уже таких средств, и это будет, в частности, одной из причин некоторого снижения уровня обучения.

Училище было устроено по типу полного бесплатного пансиона для бедных детей московского духовенства, однако в нем предоставлялась возможность обучения и для других учеников, вносивших при этом различные суммы⁴¹. Принимались в Училище дети от 12 до 16 лет (согласно Уставу) по прошениям их родителей или опекунов. Основным

³⁸ Там же. Д. 23490. Л. 9.

³⁹ Там же. Д. 23491. Л. 2–2 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Полный пансион стоил 85 руб., полупансион — 45 руб., взнос приходящих учеников — 10 руб.

требованием к поступающим было умение читать и писать, а также знание основных молитв. Наличие каких-либо художественных способностей не имело при этом большого значения. Обучение было 4-х классное (продолжалось для успешных учеников 4 года, для менее успешных — 6 лет). Разделялось оно на ремесленное и общеобразовательное. Из общеобразовательных предметов преподавались: закон Божий, русский язык с церковнославянским и арифметика в 4-х классах; чистописание в первых двух классах; география и русская история в связи со всеобщей в 3-м и 4-м классах; а в последнем классе — священная археология в отношении к иконописанию. Кроме иконописания предполагалось обучать учащихся следующим ремеслам: чеканному, позолотному, резному из дерева (иконостасному)⁴². Также по желанию ученики могли посещать другие московские ремесленные или художественные мастерские⁴³. Обучение в Училище происходило по методу, установившемуся в петербургской Академии художеств, когда существовало несколько классов: оригинальный, головной и фигурный. В первом, оригинальном классе ученики занимались копированием с образцов, с эстампов. Начинали рисовать с орнаментов, потом переходили к изучению отдельных деталей, частей человеческого тела и фигуры. В последующих классах рисовали с гипсовых слепков античных скульптур сначала отдельные части, затем голову и фигуру. На следующем этапе ученики приступали к работе с натуры, к работе красками. Писали натюрморты, портреты, фигуры. И уже в конце, на самом последнем этапе, писали иконы. Те ученики, которые проявили особые способности и желание к написанию икон, имели право, согласно Уставу, остаться в Училище еще на два года для усовершенствования в иконописи. Скорее всего, при обучении иконописи ориентировались на живописный, академический стиль. Принято было работы лучших выпускников отсылать в Академию художеств для оценки их профессорами Академии и получения соответствующего документа. Некоторые учащиеся после окончания школы поступали в МУЖВиЗ. Обучали их живописи и иконописанию известные в то время московские худож-

⁴² Устав Училища иконописания. § 24.

⁴³ Там же. § 25.

ники, например, Алексей Михайлович Колесов⁴⁴, Сергей Дмитриевич Милорадович⁴⁵. Уставом Училища предусматривалось также устройство выставок ученических работ «как для поощрения учеников, так и для приобретения внимания общества к заведению»⁴⁶.

Училище стало быстро развиваться, постепенно приобретать известность. И практически сразу же возникла необходимость в строительстве новых помещений. Дом купца Хлудова оказался слишком мал, тем более что по своему первоначальному предназначению он строился как жилой дом, потолки в котором были «недовольно высоки или и вообще низки, мелки и освещены частыми и небольшими окнами»⁴⁷. При открытии Училища этот дом, насколько возможно было, перестроили, приспособив под классы и мастерские. Но уже в 1874 г. Советом Училища был поставлен вопрос о строительстве нового каменного здания. В представлении Совета на имя Московского митрополита пространно объясняется необходимость постройки такого здания: «Только при построении нового здания можно вполне соблюсти условия, требуемые целью училища иконописания, а именно: устроить достаточно просторные, высокие и хорошо освещенные залы, как для занятий учеников, так и для иконостасных мастерских и выставок, положенных по Уставу Училища, дать удобные помещения для гипсовых фигур, довольно громоздких и весьма ценных, а также для образцовых икон, для ученических работ, предназначенных в продажу, для библиотеки и т. п.»⁴⁸.

⁴⁴ А. М. Колесов (1834–1902) учился в МУЖВиЗ вместе с И. Шишкиным, В. Перовым, К. Маковским. В 1856 г. получил звание свободного художника, в 1876 г. за серию портретов — звание классного художника 3-й степени. С 80-х гг. стал заниматься иконной живописью. Впоследствии стал заведующим этого училища и преподавал в Училище иконописания.

⁴⁵ С. Д. Милорадович (1851–1943). Сын диакона, учился в Московской духовной семинарии, учился в МУЖВиЗ (1874–1878) у Е. А. Сорокина, И. М. Прянишникова, В. Г. Перова. В 1877–1878 гг. награжден малыми серебряными медалями. В 1896 г. получил звание классного (свободного) художника. В Училище иконописания преподавал 6 лет (1878–1884), 30 лет (1888–1918) преподавал рисование в Московской духовной семинарии. В 1909 г. удостоен звания академика. В экспозиции ЦАКА находится его эскиз к картине «Суд над патриархом Никоном».

⁴⁶ Устав Училища иконописания. § 28.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23505. Л 12 об.

⁴⁸ Там же. Л. 18.

Решение о строительстве рядом со старым домом нового каменного здания для «художественных классов» было принято и в течение последующих трех лет на поступающие от различных обитателей и частных лиц средства оно было выстроено. Любопытна при этом одна деталь: новое здание было построено с «обращением главного фасада на северную сторону, что почитается наиболее удобным для рисовальных зал и иконописных мастерских»⁴⁹.

Распорядок дня в Училище был достаточно насыщенным:

1. В 6.30 утра — подъем.
2. С 7 до 8.30 — утренняя молитва, сопровождаемая пением, чай и приготовление уроков.
3. С 8.30 до 11.50 — три урока по наукам, полагая на каждый по одному часу с промежутками после каждого по 10 минут.
4. В 12 — обед и отдых.
5. От 13 до 16 — урок рисования.
6. От 16 до 18 — отдых и вечерний чай.
7. С 18 до 21 — приготовление уроков по наукам и рисованию и другие домашние задания.
8. В 21 час — ужин и вечерняя молитва с пением.
9. В 22 часа — все должны быть в постели⁵⁰.

Отметим, что на занятия рисованием отводится 3 (а позже 4) часа ежедневно, и по сегодняшним меркам это не так уж и мало, хотя, как мы увидим чуть позже, и в то время для серьезной специальной подготовки этого оказалось недостаточно. Интересно сравнить этот распорядок с тем, что существовал в лаврской школе более 100 лет назад. Инструкция 1776 г. предписывала, в частности, чтобы «учащиеся ежедневно, кроме праздников, занимались 10 часов в день, с 6 до 12 часов утра, после обеда с 2 до 7 часов вечера, а воскресные и праздничные дни приходили рано поутру в церковь Богоматери и пели на клиросах»⁵¹.

⁴⁹ Там же. Л. 20.

⁵⁰ Через несколько лет, к 1881 г., расписание занятий несколько изменилось: занятия по специальности — рисованию и живописи — стали проходить в утренние часы, с 8 до 12 (РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23545. Л. 11).

⁵¹ Арсеній, иеромонах 1873. С. 125.

К 1883 г., через 10 лет существования Училища, перед преподавателями и инспекцией обозначились некоторые проблемы в постановке учебного дела и назрела необходимость целого ряда преобразований. Одним из самых существенных недостатков оказалось неправильное соотношение общеобразовательных и специальных предметов. По сознанию большинства преподавателей-художников, «ученики не достигают желаемых успехов по рисованию, живописи и иконописанию главным образом потому, что этим предметам придается не то первенствующее значение, какое они должны бы были иметь согласно цели учрежденного училища»⁵². Кроме того, обучение иконописанию поставлено было более теоретически, чем практически, и «ученики не видят перед собой примера опытных мастеров, по работе которых можно было бы проследить весь последовательный порядок и приемы, употребляемые при иконописании»⁵³. Они видят перед собой только законченные работы.

К этому времени вполне явно обозначилось то противоречие поставленных при открытии Училища целей, о которых мы уже упоминали. Инспектор Училища К. Орлов в своей докладной записке пишет о том, что многие учащиеся, проявившие способности к рисованию и иконописанию, вынуждены были прекратить обучение ранее срока, по окончании одного только научного курса. И причиной тому было главным образом «желание их бедных родителей поскорее воспользоваться материальной помощью своих детей, которые по окончании научного курса, выучившись, без затруднений определялись на причетнические сельские места и оказывали им из своих скудных средств посильную помощь»⁵⁴. Такие ученики не видели перед собой возможности, закончив Училище, стать иконописцами и доставить себе тем самым средства к жизни. «Также, по-видимому, не удалось за это время достаточно организовать работу ремесленных мастерских — чеканной, позолотной и др., в которые могли бы перейти ученики, не проявившие способностей к иконописанию». Целый ряд других замечаний и предложений был

⁵² В § 1 Устава Училища о цели говорится так: «...при добром воспитании и достаточном общем образовании доставить средства к жизни чрез обучение ремеслам».

⁵³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23586. Л. 8.

⁵⁴ Там же.

высказан преподавателями в донесениях и докладных, поданных в Совет Училища. Преподавателем-художником С. Милорадовичем был предложен новый подробный проект подхода к обучению специальным предметам, порядок и правила разделения учащихся на классы и разряды в зависимости от способностей. В своем проекте он указывал на те недостатки и даже «произвол», коими заражены современные ему церковные живописцы, и призывал твердо держаться в обучении «лучших образцов церковной живописи, кои при совершенстве техники имели бы историческую правду и, по возможности, церковный характер»⁵⁵. Он неоднократно ссылаясь при этом на авторитетное мнение митрополита Филарета (Дроздова) и предлагал держаться древних греческих и византийских образцов, а также издать пособия и руководства для учеников и молодых иконописцев, особенно для тех, кто будет «заниматься иконописью в глуши уездных городов».⁵⁶ Художник Шпортуп также предложил свой проект, в котором подробно рассмотрел различные подходы к преподаванию рисунка. Инспектор Училища К. Орлов рекомендовал выдавать аттестаты только тем учащимся, которые пройдут шестилетний курс обучения, а всех остальных лишать этого права и выдавать им только свидетельства. Также он советовал за счет сокращения летних каникул несколько увеличить время, назначенное на рисование и иконописание. В общем, все эти предложения направлены были на то, чтобы качественно улучшить в Училище профессиональную подготовку иконописцев.

4. ПЕРЕЕЗД В ЛАВРУ: ПЕРИОД УПРАВЛЕНИЯ ИЕРОМ. СИМЕОНОМ

Московский Митрополит Иоаникий⁵⁷ в конце 1884 г. направил донесение в Св. Синод, где прямо говорилось, что Училище «за десять лет своего существования в Москве мало послужило выполнению пред-

⁵⁵ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 23568. Л. 16–23.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Митрополит Иоаникий (Руднев) был настоятелем Лавры с 1882 по 1891 г.

положенной благой цели».⁵⁸ Далее он предложил перевести Епархиальное училище иконописания в Лавру, поскольку «предположенная при открытии Училища иконописания цель удобнее может достигаться, если оно будет перемещено из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру»⁵⁹. Объяснялось это тем обстоятельством, что в Лавре давно существуют и хорошо устроены различные мастерские (и собственно иконописная, со всеми необходимыми для иконописания принадлежностями, и ремесленные мастерские — портняжные, кузнечные, токарные и фотографические), поэтому там есть куда определить учеников, оказавшихся неспособными к искусству иконописания. Видимо, отвечая на чей-то вопрос, в новом представлении в феврале 1885 г. митрополит Иоаникий объяснил, что Училище помещается уже не в доме, пожертвованном г. Хлудовым, а во вновь построенном здании. Здесь также надо отметить, что предлагая перевести Училище в Лавру, Высокопреосвященный Иоаникий решил также еще одну административную задачу: было определено в освободившиеся помещения Училища иконописания перевести женское Ризоположенское училище, до этого располагавшееся в арендуемом частном доме за дорогую плату, а также без надлежащих школьных удобств⁶⁰. Рассмотрев донесения митрополита Иоаникия, Учебный комитет при Св. Синоде определил перевести Училище в Троице-Сергиеву Лавру на изложенных основаниях. Ризоположенское училище перевели на Ордынку, переименовав его в Мариинское епархиальное женское училище с трехклассным курсом обучения взамен бывшего ранее двухклассного.

⁵⁸ Из донесения Высокопреосвященнейшего Иоаникия: «С 1873/74 по 1883 г. обучалось в означенном училище 118 человек; из них окончило курс 67; остальные 51 исключены из училища, по разным причинам, до окончания курса. Из окончивших курс, по имеющимся в Совете училища сведениям, только 7 человек продолжают заниматься искусством иконописания до настоящего времени; из остальных большая часть поступили причетниками в села, некоторые работают на фабриках, другие служат в частных конторах или канцеляриях, и т. п. В течение 10 лет от ученических работ вырублено до 3 000 рублей, между тем израсходовано за то время на содержание училища более 150 000 руб.».

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 2.

⁶⁰ Там же. Л. 23.

Перевод Епархиального училища в Лавру несколько всколыхнул устоявшееся течение жизни лаврской школы, но, как мы увидим, все же не внес в нее никаких принципиальных изменений. Более того, этот шаг не только не улучшил постановку обучения в Епархиальном училище, на что надеялись радетели этого перемещения, а, как мы увидим в последующее десятилетие, даже несколько снизил. Посмотрим, почему такое оказалось возможным.

Руководство лаврскими иконописцами в описываемое нами время осуществлял иеромонах Симеон. Он был смотрителем школы и преподавал живопись, которой выучился самостоятельно, а иконописи не знал. Как позже в донесении митрополиту Московскому Владимиру напишут о нем члены Совета Училища, это был человек, «случайно научившийся в монастыре живописи и упражнявшийся в ней по своей охоте, без всякого научного знания, теории и правил живописи»⁶¹. Однако надо сказать, что мастерство, приобретенное о. Симеоном «самостоятельно», было достаточно высокого уровня. С о. Симеоном тесно связана была ориентация лаврской школы на академическое письмо, именно благодаря о. Симеону были ею установлены тесные контакты с палешанами, именно он формировал ассортимент мастерской, распределял заказы и следил за качеством работ. При о. Симеоне лаврская иконописная школа (чаще ее называют в это время живописной) была достаточно известна в церковном мире. Например, известный педагог и общественный деятель XIX в. С. А. Рачинский прислал в 1882 г. в школу своего воспитанника Николая Богданова, в будущем ставшего известным художником Богдановым-Бельским. Учился Николай в школе в течение двух лет на средства Рачинского и в 1884 г. поступил в МУЖВиЗ, по окончании которого за картину «Будущий инок» был удостоен серебряной медали и звание классного художника.

В лаврскую школу в середине XIX в. стремились приехать учиться православные молодые люди даже из других стран — Сербии, Болгарии, Греции, Боснии⁶². Любопытна, например, в этой связи причина,

⁶¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 29 об.

⁶² Иеромонах Арсений в упомянутой работе пишет об учебе в Лавре грека Агафоника Андона в 1853–54 гг., болгарского монаха Феодосия Рьльского — с 1864 г.

которую Славянский комитет приводит в своем прошении с просьбой о принятии в школу боснийского художника Ристу Чайкановича, который до этого уже два года обучался иконописи в Сергиевской пустыни Петербургской епархии. «Ныне Чайканович, ознакомившись с некоторыми произведениями живописной школы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и убедившись в их превосходстве сравнительно с живописью Сергиевой пустыни, обратился в Славянский комитет с просьбой о ходатайстве перед Собором Лавры о принятии его в лаврскую живописную школу на полгода для большего усовершенствования в иконописании»⁶³. Также и монах Эллинской Церкви Михаил Пасхалому «возымел непреклонное намерение поступить в Иконописную школу, находящуюся в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, и учиться в школе впредь до надлежащего усовершенствования в церковной живописи»⁶⁴. Еще одно свидетельство о высоком уровне лаврской живописной школы можно видеть в письме сербского митрополита Михаила (от 13 августа 1880 г.). Приведем его полностью. «Ученик Лаврской живописной школы Лазарь Кржданович кончил свое учение в этой школе с успехом, что возбудило охоту у многих молодых людей учиться там же. Но, оставляя других, решился дать согласие на проезд только одному Михаилу Васильевичу, который имеет дар для живописного искусства. Посему прошу покорнейше Ваше Высокопреподобие принять сего молодого серба из Белграда Михаила Васильевича в Лаврскую живописную школу»⁶⁵.

О. Симеон писал много заказных икон для разных храмов и монастырей. Обширный перечень его работ приводит, в частности, иеромонах Арсений в указанном выше исследовании⁶⁶. Для дополнительного свидетельства авторитетности школы о. Симеона приведем здесь отрывок из благодарственного письма одного из заказчиков — генерал-адъютанта графа Д. Е. Остен-Сакена: «Зная, что художественно-иконописная школа Свято-Троицкой Сергиевой Лавры устроена и

⁶³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 12030. Л. 6.

⁶⁴ Там же. Л. 9.

⁶⁵ Там же. Л. 11.

⁶⁶ *Арсений, иеромонах 1873*. С. 128–129.

руководима была эстетическим незабвенным Филаретом, я ожидал превосходной работы, но исполнение превзошло мои ожидания. — Художественная живопись, отсутствие анахронизма и строгий византийский стиль достойны приношения храму благочестивой Государыни Императрицы (Иконы писались для новой церкви в имени графа на средства Императрицы)»⁶⁷. И далее: «Вменяю себе в приятную обязанность зрителю школы г. иеромонаху Симеону и всем участвовавшим в работе изъяснить совершенную мою признательность»⁶⁸.

Итак, в октябре 1885 г., по открытии Училища в Лавре, туда были 33 ученика из Епархиального училища, а 7 человек были набраны дополнительно на свободные вакантные места (всего получилось 40 учащихся, согласно Уставу). Учеников разделили на три разряда: высший, средний и низший, а для проживания выделили им Пятницкую башню. Учебные классы в это время вместе с лаврской школой находились в Казначейском корпусе, на 3-м этаже, в удобном помещении, устроенном для иконописцев еще архимандритом Антонием в 1849 г. Учащиеся бывшей лаврской школы проживали в помещениях рядом с мастерской, а жители Посада — по домам у своих родителей. Смотрителем объединенного училища остался о. Симеон, а его помощником — иеромонах Тихон. Для преподавания предметов были приглашены сергиево-посадские священники Николай Фаворский и Сергей Виноградов. Они составили Совет Училища согласно измененному Уставу⁶⁹. О. Симеон был основным преподавателем живописного мастерства, а переведенное в Лавру Училище сразу стало «одним из подразделений, занимавшихся в Троицком монастыре созданием икон»⁷⁰. В общем, в системе подготовки иконописцев сравнительно мало что изменилось. Преподавание иконописи — ради чего, в частности, и был предпринят

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 10527. Л. 11.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ § 3 измененного Устава Училища иконописания: «Ближайшее заведование Училищем поручается Совету, состоящему под председательством Наместника Лавры или одного из членов Духовного Собора Лавры, из 4-х членов: 1. Смотрителя Училища, 2. Законоучителя и двух членов по назначению Митрополита Московского» (РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 23771. Л. 5).

⁷⁰ Черкашина 2000. С. 381.

перевод Училища из Москвы в Лавру — так и не началось. Жизнь иконописного училища потекла при этом по несколько измененному, но давно установившемуся распорядку, и на протяжении нескольких лет в нее никто не вмешивался. Изредка приезжали некоторые иностранные подданные⁷¹. Ученики принимали участие в богослужениях⁷² и помогали о. Симеону в выполнении заказов. Единственное изменение, как выяснилось позже, проявилось в том, что значительно уменьшилось денежное содержание переведенного Училища, что через некоторое время дало о себе знать.

5. ПРОЕКТЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ УЧИЛИЩА

В 1897 г. после кончины иеромонаха Симеона для преподавания живописи был приглашен выпускник «Художественных классов»⁷³ Василий Корнеевич Бондарев с рекомендацией «лучшего по искусству и по нравственности»⁷⁴. Он продолжил занятия по установившимся при о. Симеоне правилам и оставался на этом послушании вплоть до закрытия школы⁷⁵.

В том же году сотрудники Отдела иконоведения при Обществе любителей духовного просвещения вспомнили о своем детище и обратились к Московскому митрополиту Сергию⁷⁶ с просьбой о «перенесении

⁷¹ В 1891 г. принят по прошению митрополита Черногорского Митрофана на учебу черногорец Михаил Вербица; в 1892 г. по прошению Российского консульства — румынский подданный Феодор Морозов, в 1895 г. — серб Драголюб Павлович, и т. д.

⁷² В деле № 23581. Л. 52 РГАДА (тот же фонд и опись) на поступивший через Консисторию указ Св. Синода от 13 сентября 1889 г. за № 19, предписывающий участие воспитанников духовно-учебных заведений в богослужениях — пение, чтение и прислуживание в алтаре — в целях духовно-нравственного воспитания, отмечено, что в лаврском Училище иконописания это и прежде исполнялось.

⁷³ Так одно время называлось уже упоминавшееся МУЖВиЗ.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23697. Л. 2.

⁷⁵ Через 20 лет усердного и беспорочного прохождения своих обязанностей в 1916 г. он был представлен к Высочайшему награждению — званию личного почетного гражданина.

⁷⁶ Митрополит Сергий (Ляпидевский), управлял Лаврой в 1893—1898 гг.

иконописной школы в Москву и о помещении ее в свободный корпус московского Данилова монастыря»⁷⁷. Причина, которая послужила основанием для такого ходатайства, оказалась крайне близка к той, что привела двенадцать лет назад к переводу Епархиального училища в Лавру. На основании ходатайства отдела иконоведения в своем донесении (№ 392 от 6 октября 1898 г.) Св. Синоду уже митрополит Московский Владимир⁷⁸ писал: «Училище при настоящей постановке дела не соответствует своему назначению, так как обучение в нем идет главным образом живописному искусству, а не иконописи»⁷⁹. Далее он сообщил, что отдел иконоведения желает принять Училище под свое ведение и дать ему «соответствующее направление»⁸⁰. В 1899 г. на имя Совета Училища поступил запрос из Московской духовной консистории (июль месяц, № 13) с предписанием уведомить последний о том, «с какого времени прекращено в училище преподавание иконописания и введено преподавание живописного искусства и по каким причинам?»⁸¹. Повторили очевидное и ответили, что с 1885 г., со времени перевода Училища в Лавру, «иконописание в нем никогда не преподавалось, так как училище это тогда же было поручено главным образом руководству смотрителя существовавшей уже с давнего времени при Лавре иконописной школы иеромонаха Симеона, который сам с иконописанием вообще не был знаком, а занимался только живописью»⁸².

На сегодняшний день не вполне понятно, что произошло далее, но в мае 1900 г., обсудив проблему перевода Училища в Москву в своем собрании, отдел иконоведения просил митрополита Владимира приостановить дальнейшую переписку по этому вопросу, так как отдел «пришел к заключению о невозможности, по обстоятельствам време-

⁷⁷ Корпус этот был передан Обществу любителей духовного просвещения в 1872 г. для помещения в верхнем этаже древних икон и древних церковных вещей, а в нижнем — книг епархиальной библиотеки, не находящих места в Петровском монастыре за нехваткою помещений.

⁷⁸ Митрополит Владимир (Богоявленский) управлял Лаврой в 1898—1912 гг.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 14.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Д. 23581. Л. 131.

⁸² РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 17.

ни, осуществления своих предположений относительно означенного перевода»⁸³. В результате этой несостоявшейся и не вполне вразумительной пока для нас попытки обратного перевода Училища в Москву митрополит Владимир, желая составить собственное мнение о положении дела, просит предоставить ему точные сведения об Училище. Совет Училища предоставил подробный доклад, в котором излагались причины неудовлетворительного состояния данного учебного заведения. Он обратил внимание и на значительное уменьшение содержания Училища (по расчетам Совета, практически в три раза), и высказывал предположение, что это ограничение в средствах привело к тому, что Училище оставалось без преподавателя иконописи («по неимению в виду способного для сего лица и по скудости средств училища»⁸⁴) под руководством о. Симеона. «Преподавание иконописи было совершенно упущено из вида»⁸⁵ (что было еще в Москве), а также и преподавание ремесел, о которых упоминается в Уставе Училища, не было налажено. Еще одной, и достаточно немаловажной причиной неуспешности Училища, члены Совета считали то, что согласно § 18 Устава принимаются в Училище дети бедного духовенства без внимания к призванию учеников (вспомним еще раз о столкновении причин устройства Училища). Поступают такие из детей духовенства, которые «уже уволены из других училищ за неблагонадежность или оказались неспособными к учению»⁸⁶. Достаточно часто это Училище становится для таких детей просто «временным приютом и даровым пристанищем до известного возраста»⁸⁷; далее, за редким исключением, они «поступают в причетники и не прилагают в жизни тех знаний, которыми могли бы запастись в училище»⁸⁸.

⁸³ Там же. Л. 22.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23720. Л. 3.

⁸⁵ Там же. Л. 7 об.

⁸⁶ Там же. Л. 8.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Из окончивших курс в 1897 г.: 1. Владимир Успенский обучается в МУЖВиЗ вольнослушателем, т. к. по глухоте не может быть действительным учеником; 2. Феодор Морозов, румынский подданный, поступил по найму в одну из живописных мастерских с жалованием 60 руб. в месяц; 3. Василий Левшинский состоит учителем церковно-приходской школы и исполняет заказы по живописи; 4. Михаил Смирнов,

Также необходимо отметить, и об этом пишут члены Совета, что почивший к этому времени митрополит Сергей, предшественник преосвященнейшего Владимира, был очень обеспокоен состоянием Училища иконописания. Он сочувствовал Обществу духовного просвещения по Отделу иконоведения и поддерживал его намерение о переводе училища обратно в Москву «в видах лучшей постановки его и ближайшего надзора за ним»⁸⁹.

Отчасти прояснить положение дел может следующий интересный документ, найденный нами в том же архиве РГАДА. Это донесение епархиального наблюдателя Александра Италинского митрополиту Владимиру, инспектировавшему училища, несомненно, по благословению митрополита. Италинский, посетивший Училище 17–18 января 1901 г., присутствовал на проводимых занятиях, вел испытания учеников, осматривал все занимаемые помещения и в конце устроил общее совещание по разрешению вопросов училищной жизни, на котором собрались все члены Совета и преподаватели. Он и представил подробный доклад митрополиту, в котором дал подробный анализ положения дел в Училище.

Проверяющий отметил, что Школа иконописания является пока более благотворительным заведением, нежели строго профессиональным, учебным. Он высказал целый ряд замечаний и по общеобразовательной подготовке, и по обучению специальным, иконописным предметам, а также по административному управлению Училищем, обнаружив отклонения от Устава. Основные его претензии касались организации учебного процесса. Был, в частности, отмечен низкий уровень грамотности учеников, который оценивался ниже, чем в двухклассных школах; Закон Божий преподавался ограниченно и в механическом направлении.

Далее Италинский указал и причины такого положения. Некоторые нам уже хорошо знакомы. Это, во-первых, малоспособные и уволенные из других училищ ученики и недостаточное число учителей (из-за неимения достаточных средств). Во-вторых, невнимательное отноше-

Владимир Петропавловский, Петр Богданов состоят псаломщиками на различных приходах и выполняют частные заказы.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23720. Л. 8 об.

ние к учебным занятиям, которым посвящается мало времени (занятиям этим отводилось только два часа в день — с 5 до 7 вечера), а также отсутствие определенных программ, руководств и учебников.

Еще большие претензии были предъявлены им к специальным предметам. Проверяющий писал, что «само иконописание преподается, собственно, в формах подготовительных: ученики рисуют с гипсовых фигур, копируют рисунки, красками рисуют с манекенов, копируют и иконы; а иконописи в строгом смысле нет»⁹⁰. Касательно несоблюдения Устава Училища он обратил внимание на количество учащихся — вместо предполагаемых 40 человек учатся 57 живущих в пансионе и 25 приходящих, т. е. всего 82 человека⁹¹. И далее он сделал следующий в целом неблагоприятный для школы вывод: «Отсюда выпустить настоящих профессиональных иконописцев, как это требуется по существу школы, не удастся»⁹². Он предложил провести полную реорганизацию школы и выработать новый устав, обратить внимание и на материальную сторону дела, и на решение тех задач, которые будут положены в основу школы. Конкретно, он предложил следующие неотложные меры: ограничить число учащихся до 40 человек, не задерживать тех из них, кто не проявил способности или желания к рисованию; кроме того, увеличить количество и время учебных занятий, более грамотно распределить занятия между преподавателями и выработать расписание уроков.

В результате этого донесения и доклада Совета Училища митрополит Владимир обратился с просьбой о составлении нового проекта иконописной школы к известному знатоку древней иконы и «иконописцу-практику с сорокапятилетним опытом»⁹³, академику живописи Вик-

⁹⁰ Там же. Д. 23747. Л. 34–35.

⁹¹ Это не совсем соответствует тем сведениям, что приводит Е. Е. Голубинский (*Голубинский 2007. С. 278*). В 1902 г., по словам Голубинского, число учеников иконописной лаврской школы составляет 70 человек, из которых 40, принадлежащие к духовному званию, суть «епархиальные», представляющие собою переведенное в Лавру Училище, а 30, набранные из всяких других званий, суть собственно лаврские, представляющие собою в точнейшем смысле лаврскую школу.

⁹² РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 35.

⁹³ Там же. Л. 7.

тору Доримедонтовичу Фартусову. Уже в 1902 г. он подает проект с рядом полезных инноваций.

Прежде всего, предлагалось увеличить возраст приступающих к изучению иконописания подростков — принимать их не с 12–15 лет, как ранее, а строго с 14–15 лет, при этом смотреть, чтобы они были предварительно обучены грамоте. Принципиально важно следующее соображение В. Д. Фартусова: «Лучше выбирать таких, которые, будучи не глупыми, почему-либо к наукам ленивы и малоспособны, но зато по природной наклонности и их любви к искусству чертили разнообразные рисунки и увлекались этим»⁹⁴. Он предлагал придерживаться принципа «лучше меньше, да лучше» и иметь небольшое количество учеников, однако таких, которые впоследствии могли бы принести пользу обществу. При этом следует без сожаления увольнять бездарных учеников, учеников дурного поведения, дабы они не срамили училище. Обращает на себя внимание стиль, которым автор излагает свои мысли — очень живо, с примерами из педагогического и творческого опыта.

Следующее принципиальное требование, выдвинутое им, — это увеличение времени на изучение иконописания. Для этого уважаемый академик предложил такую, опробованную им самим и его учениками, методику — читать вспомогательные научные предметы (священную и церковную историю и др., относящиеся к иконописанию) во время технических занятий, не занимая на таковые предметы отдельного времени. Он считал, что после чтения ученики сами будут рассуждать о прочитанном и обдумывать то, что услышали, и что помешать это рисованию или писанию красками не может ни в коем случае.

Для увеличения времени Виктор Доримедонтович также предложил разрешить ученикам заниматься летом с 7 часов утра до 7 вечера (с перерывами на чай, обед и небольшой отдых), при этом он считал, что преподаватель может находиться с учащимися по 4 часа в день — 2 часа утром и 2 часа — вечером. Остальное время учащиеся занимаются самостоятельно, а преподаватель использует свободное время на свое самообразование, так как иконописцу «необходимо постоянное упражнение»⁹⁵.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. Л. 8.

Далее в проекте подробно рассматривался порядок занятий по классам — с 1-го по 4-й. Отметим, что подход к методике обучения, особенно в первых классах, остается и поныне традиционным и достаточно близким, например, к тому проекту, что был предложен художником Сергием Милорадовичем в 1883 г. Ученики, как в академическом училище, начинают с рисования с оригиналов и выполняют отдельные детали, части лица и орнаменты. Так же, как и ранее Милорадович, Фартусов предлагает с самого начала разделять учащихся по способностям. Более тщательно он предлагает оценивать и контролировать процесс обучения. Он считал, что нужно в каждом классе ежемесячно проводить экзамен и по результатам такого экзамена ставить оценки, или «номера» (№№) или категории. «Номера» ставятся за лучшие работы и далее следуют по убывающей. Переводить учеников в высшие классы нужно только соответственно их способностям. За лучшие работы им следует выдавать награды (кстати, это практиковалось в лаврском Училище иконописания⁹⁶). Наиболее интересным представляется нам то, что Виктор Доримедонтович рекомендовал высшему 4-му классу. Он полагал, что в этот класс переводятся только ученики, уже испытанные и подготовленные в рисовании и живописи, те, которым уже можно доверить самостоятельно писать заказанные Училищу иконы. Уточняются задачи такой деятельности — с одной стороны, заработать деньги для Училища (при этом небольшая сумма причиталась и ученику), а с другой, поощрить учащихся к более добросовестному отношению к делу иконописания. Согласно проекту, орнаментальные живописцы могли закончить обучение уже после 3-го класса и начать практическую деятельность в различных мастерских. Лучшие работы в иконописании предлагалось награждать медалями, «какие установлены при Академии или Училище живописи и ваяния, или званиями художника»⁹⁷. Также следовало раз в год устраивать выставки ученических работ для развития школы, поощрения учеников и ознакомления публики с деятель-

⁹⁶ Из отчетов Совета Училища следует, что за 1896/97 уч. г. удостоены денежной наградой — от 4 до 1 рубля — 20 человек; за 1898/99 уч. г. — от 3-х до 1-го рубля — 22 человека; в 1899/90 уч. г. — от 2-х до 1 рубля — 25 человек.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 11.

ностью Училища (впрочем, это не является нововведением: еще в первом проекте Училища от 1873 г. предполагалось устройство выставок с этими же целями). А вот учреждение при Училище особых классов рисования «для учеников и мастеров, желающих усовершенствоваться в познании классического рисования и правильного писания красками» является новым предложением: для этих классов были определены особые праздничные дни с 9 часов утра до 7 часов вечера.

В целом, проект академика В. Д. Фартусова был очень близок программам иконописного класса в Санкт-Петербургской семинарии, открытого в 1844 г., и иконописного класса при Императорской Академии художеств, учрежденного в 1856 г. В его проекте очень четко просматривается цель, достижение которой ведет к подготовке не просто ремесленников-копистов, а образованных иконописцев, иконописцев-художников, то есть таких мастеров, которые могли решать творческие задачи в рамках канонического церковного искусства. Похожие задачи обозначил чуть позже И. П. Сахаров в разработанном им проекте об устройстве «Русской школы иконописания» (опубликован в Петербурге в 1903 г.)⁹⁸, а также авторы временного положения о Высшей художественно-иконописной мастерской при Строгановском училище технического рисования⁹⁹.

6. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИКОНОПИСНОГО КЛАССА УЧИЛИЩА

Остается рассмотреть, как развивалась ситуация с введением традиционного иконописания и других изменений в оставшейся под сенью Свято-Троицкой Сергиевой Лавры иконописной школе в самый последний период ее существования — с 1900-х гг. до 1918 г. Чтобы лучше понять ситуацию, вспомним в самых общих чертах социокультурную ситуацию в России в начале XX столетия.

В ту эпоху интерес к своим национальным историческим корням и традициям был необычаен. Об этом говорят, в частности, следующие

⁹⁸ Успенский 1903. С. 1.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23757. Л. 16–17 об.

факты. В 1901 г. был Высочайше утвержден Комитет попечительства о русской иконописи под председательством графа С. Д. Шереметьева. Управляющим делами Комитета стал известный исследователь и знаток византийского искусства Н. П. Кондаков. Комитет активно взялся за возрождение традиционного иконописания: организовал учебные иконописные мастерские в иконописных селах Владимирской губернии и в слободе Борисовке Курской губернии; он начал также выпускать периодические «Известия Комитета о русской иконописи», «Лицевой иконописный подлинник», командировал Н. П. Кондакова на Афон для сбора иконографических материалов. В самом начале века благодаря достижениям реставрации открылся лик древней иконы, что буквально потрясло и изменило художественный мир. В 1905 г. появилась возможность прикоснуться к древним иконам, сохранным старобрядцами, в 1913 г. состоялась первая публичная выставка икон. Начали формироваться первые частные собрания древнерусской живописи, философы и ученые обратились к исследованию традиционной иконописи.

К началу XX в. священноначалие Лавры и общественность в лице Отдела иконоведения, радевшего за возрождение традиции, уже подготовили почву для реорганизации лаврской иконописной школы. С помощью деятелей Комитета попечительства о русской иконописи — уже упоминавшихся графа С. Д. Шереметьева и Н. П. Кондакова, а также В. Т. Георгиевского и Д. К. Тренева — с 1905 г. началось преобразование бывшего Училища иконописания и введение преподавания иконописи. Наместник Лавры архимандрит Товия в письме графу Шереметьеву благодарил последнего за готовность содействовать введению иконописания вместо живописи в лаврском Училище: «Дай Бог, чтобы это послужило на пользу лаврскому Училищу иконописания и иконописному делу в России вообще»¹⁰⁰. По рекомендации Н. П. Кондакова в 1905 г. в Лавру прибывает иконописец-«доличник» Николай Прокофьевич Клыков из Москвы, где он трудился в мастерской известного «московского мстерца» М. И. Дикарева¹⁰¹. Клыков

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23757. Л. 2.

¹⁰¹ Н. П. Клыков (1861–1944) — потомственный иконописец из Мстеры, учился у отца. Преподавал в Строгановском училище, в лаврской иконописной школе. После

приступил к преподавательской деятельности с 1-го сентября 1905 г., взяв на себя, по крайней мере, на первое время, обязанности и второго преподавателя — «личника», так как в первый переходный период учащихся, приступающих к обучению иконописания, было немного¹⁰². Приискать «личника» поручено было самому Николаю Прокофьевичу; по совету Кондакова желательно было бы, чтобы оба мастера совпадали по стилю. Жалованья Н. П. Клыкову было положено 85 рублей в месяц при своем содержании и квартире, а относительно порядка преподавания иконописи ему были обещаны от Комитета «инструкции и руководства»¹⁰³. В прошении Клыкова о зачислении его на должность оговаривался порядок занятий: зимой и летом они должны продолжаться не менее 6-ти часов, в два приема — утром и вечером. Каникулы для учеников, занимающихся иконописью, положены были летом — не более одного месяца.

Возможно, из-за того что Клыков не смог подыскать себе товарища или вследствие каких-то разногласий со священноначалием Лавры, через три года, в 1908 г., для преподавания в Училище были приглашены другие мастера — иконописцы из Палеха, «лучшие по мастерству и благонадежные по поведению»¹⁰⁴ — «доличник» Павел Алексеевич Плеханов и «личник» Илья Павлович Сафонов. Их духовный отец протоиерей Николай Лихачев так рекомендовал их настоятелю Лавры в своем письме: «Оба мастера — способные иконописцы, честные труженики, благонравные по поведению и хорошие семьянисты»¹⁰⁵. Оба мастера работают в одном стиле и не вносят «пестроты и разности в своих руководствах, как взятые из разных мастерских руководители с разными взглядами на иконописные дела и с разнообразными приемами»¹⁰⁶. Плеханов раньше прибыл в Лавру и приступил к пре-

революции вернулся в Мстеру и стал одним из основоположников мстерской лаковой миниатюры.

¹⁰² Тех из учащихся, что в течение 3—5 лет обучали живописи, решили не перечислять и дать возможность закончить обучение по начатой программе.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23757. Л. 18.

¹⁰⁴ Там же. Л. 14.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

подаванию. Сафонов же вначале, под влиянием хозяина мастерской, где он последнее время трудился, не решился дать полное согласие. Потом «осознал свою нерешительность ошибкою и изъявил полную готовность послужить в лаврской мастерской с искренним усердием и любовью к делу»¹⁰⁷. Из письма Ильи Сафонова к о. наместнику видно нелицемерное и благочестивое настроение его души: «...Я семейный человек и имею 6-х детей. Быть может хоть не теперь, а после, мне Бог приведет поступить на это Святое поприще на благо и на пользу других, как некогда трудился Святой отец Иконописец Андрей Рублев. Но мы, многогрешные, совсем забываем Святость этого дела. Не так трудимся, как трудились древние Иконописцы, и относимся только с целью наживы наряду с другими промыслами. Простите меня. Не обременить бы Вас своим письмом. Остаюсь с истинным почтением иконописец Илья Павлович Сафонов. Прошу Вашего благословения и Святых молитв. Если будет угодно Вам благоволить ответом, адрес мой...»¹⁰⁸ (орфография частично изменена мной). И Павел Плеханов, и Илья Сафонов оставались в Лавре до середины 1918 г., когда было решено ввиду трудного военного времени прервать занятия в Училище иконописания¹⁰⁹.

Последние несколько лет существование Училища было нелегким. Учебный год начинался позже обычного — с октября месяца, так как большинство учащихся были вынуждены задерживаться в домах своих родителей, чтобы помочь им убрать урожай. Священноначалие Училища с пониманием относилось к этой ситуации. В донесении инспектора Училища иеромонаха Ионафана об этом говорится так: «Принимая во внимание военное время, ненастное лето, просьбу родителей и дороговизну содержания, считаю долгом донести Совету Училища, не найдет ли он возможным ходатайствовать об отсрочке занятий до 10 октября 1916 г. по примеру прошлых лет. Воспитанники, как имеющие возраст от 13 до 16 лет, много помогут своим родителям в сельском

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. Л. 12.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23900. Л. 14. В удостоверении, выданном иеромонаху Ионафану в декабре 1918 г., написано: «С окончанием 1917/18 учебного года за неимением средств и материалов училище временно закрыто».

хозяйстве»¹¹⁰. Само Училище также испытывало нужду во многом. В другом своем заявлении на имя Совета Училища о. Ионафан пишет: «Недостаток насущного хлеба, одежды, обуви воспитанники или сами восполняют своими трудами в каникулы, или при помощи своих родственников. А совсем неимущие довольствуются тем, что дает им Лавра. Нужда насущного хлеба обостряется все более, отопление помещений крайне обременительно для Лавры, да и на содержание самой школы средства весьма ограниченные»¹¹¹. Далее он предлагает Совету Училища закончить учебный год по этим причинам ранее обычного, «на сырной седмице»¹¹².

Пока трудно вполне уверенно сказать, удалось ли поднять подготовку в Училище в первые десятилетия XX в. на новый качественный уровень и решить те задачи, которые преследовали заинтересованные лица. Похоже, что несмотря на все к тому приложенные усилия удалось справиться далеко не со всеми поставленными задачами. Например, когда в 1907 г. Комитет попечительства предложил обратить внимание на более серьезное преподавание иконографии и церковной археологии «для более правильного понимания иконописи»¹¹³ и рекомендовал в качестве преподавателя известного профессора духовной академии А. П. Голубцова, то получил довольно грустный ответ. Совет Училища посчитал, что уровень способностей учеников не соответствует уровню преподавания профессора Голубцова и что для учеников школы — при введении предложенных дисциплин — будет достаточно, если их будет читать преподаватель Закона Божия. Похоже, что поднять уровень школы, где бы готовили не простых ремесленников-иконописцев, а творчески мыслящих, образованных церковных художников, на тот исторический период все-таки не получалось. Возможно, в немалой степени этому помещали и внешние, весьма неблагоприятные революционные события 1905 г. и начавшаяся в 1914 г. первая мировая война, а политический переворот 1917 г. окончательно пресек все намечавшиеся благие начинания.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23884. Л. 2.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23900. Л. 2.

¹¹² Там же.

¹¹³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23788. Л. 1 (письмо Комитета к наместнику Лавры о. Товии).

Хотелось бы еще коротко остановиться на судьбе вышеупомянутого последнего инспектора Училища иконописания иеромонаха Ионафана, занимавшего эту должность последние тринадцать лет перед закрытием Училища. Иеромонах Ионафан (в миру Иван Васильевич Чистяков) родился в слободе Солдоге Кинешемского уезда Костромской епархии в семье священника местной Сретенской церкви Василия Сергеевича Чистякова в 1867 г. Он окончил Кинешемское духовное училище, потом учился в Костромской семинарии. С октября 1889 г. по январь 1897 г. состоял учителем церковно-приходских школ Костромской епархии в селе Сенной и г. Кинешма¹¹⁴. По воспоминаниям родственников о. Ионафана, он был учителем живописи и рисования¹¹⁵. Должность инспектора Иконописного училища он занимал с 1905 по 1918 г. До этого он был помощником инспектора, смотрителем, членом Совета Училища, заведовал его хозяйственной частью. После закрытия Училища о. Ионафан был назначен заведующим лаврской иконописной мастерской, а в июне 1919 г. указом Святейшего Патриарха Тихона он утвержден в должности члена Духовного собора Лавры, и в этом указе он именуется уже игуменом¹¹⁶. После упразднения Лавры игумен Ионафан некоторое время подвизался в Гефсиманском скиту, а потом оказался на родине, в Костромской епархии, где с 1931 по 1941 г. служил настоятелем храма в селе Михайловском-Озерном (в нескольких километрах от Чухломы). Эта церковь была единственной на всю большую округу и практически все верующие Чухломы и ближайших деревень были прихожанами о. Ионафана. Далее приведем слова из рапорта настоятеля Свято-Успенского храма г. Чухломы протоиерея Александра Воробьева: «Среди паствы о. Ионафан пользовался большим почитанием за свою благочестивую и духовную жизнь и преданность Святой Церкви. Местные советские власти неоднократно пытались закрыть храм в Михайловском-Озерном, накладывая на приходскую общину непосильные налоги. Верующие горячо вставали на защиту своей единственной церкви и, по крупицам собирая средства, откупались от вла-

¹¹⁴ Там же. Д. 19182. Л. 18 (из доклада Духовного Собора патриарху Тихону).

¹¹⁵ Сведения предоставлены правнучатой племянницей о. Ионафана Г. Л. Любимовой в мае 2010 г.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 19182. Л. 20. Документ № 317.

стей. Единственным способом для властей закрыть храм было арестовать его настоятеля, что и было сделано весной 1941 г. В это время игумену Ионафану было 76 лет. Старца-священника по ложному доносу обвинили в антисоветской агитации и заключили в чухломскую тюрьму НКВД. До конца следствия игумен Ионафан не дожил: 22 июня 1941 г. он был зверски умучен тюремными охранниками. У одного из тюремщиков была верующая жена, прихожанка о. Ионафана. От мужа она узнала, что ночью будут хоронить убитого в тюрьме священника. Женщина смогла проследить, куда зарыли тело мученика, и отметила это место. Впоследствии верующими могила игумена Ионафана была обихожена и по сей день пользуется благоговейным почитанием. На могиле о. Ионафана регулярно служатся панихиды, верующие прибегают к его молитвенной помощи»¹¹⁷. Верующие г. Чухломы и Чухломского района еще в 2002 г. обратились с просьбой в Костромскую епархиальную комиссию по канонизации с просьбой начать сбор сведений об игумене Ионафане. Когда уже готовилась эта статья, к нам обратилась родственница о. Ионафана — правнучка его сестры, проживающая в Москве. Оказалось, что в их семье также жива благодарная память об этом человеке, который когда-то в начале XX в. помог получить образование двум своим племянницам (как выяснилось, в том самом женском Епархиальном училище на Ордынке, переехавшем в дом купца Хлудова). С внучкой одной из этих племянниц — Галиной Львовной Любимовой — мы встретились совсем недавно в Лавре. Выяснилось, что в их семье считали, что о. Ионафан погиб на Бутовском полигоне вместе с расстрелянными там братьями Лавры и искали его фамилию среди погибших. Их семья не знала о возвращении о. Ионафана на родину, о его служении в Михайловском-Озерном, о последних годах его жизни, о его гибели в тюрьме. Сегодня мы вместе с родственниками продолжаем собирать документы и свидетельства о жизни о. Ионафана. В прошлом учебном году стараниями учащихся иконописной школы был выполнен эскиз надгробного белокаменного креста, который планируется поставить на могиле мученика в Чухломе.

¹¹⁷ Рапорт протоиерея Александра Воробьева на имя правящего архиерея Костромской епархии от 1 июля 2002 г.

Надеемся, что во вновь возрожденной иконописной школе ее преподавателям и учащимся все же удастся осуществлять те благородные цели, которые ставились их предшественниками, остановленными в своих начинаниях лихолетьем XX в. Школьная программа разделена ныне на общеобразовательный и специальный курсы. Введена двухступенчатая система образования. Помимо богословских предметов в учебную программу введены также специальные предметы: иконоведение, история церковного искусства, иконография¹¹⁸. Вторая ступень обучения — также двухгодичная — предполагает решение учащимися более сложных, творческих задач: разработку новой иконографии святого, разработку проекта иконостаса или росписи храма. Последний, 5-й год обучения, посвящен выполнению дипломной работы, которая, как правило, заключается в создании иконы большого размера, предназначенной для конкретного храма¹¹⁹. Хотелось бы думать, что те задачи, которые ставили в своих проектах И. П. Сахаров¹²⁰ и В. Д. Фартусов, желая видеть на службе Православной Церкви образованных иконописцев, и проблемы поднятия традиционного иконописания на достойный его уровень, которые обсуждали Н. П. Кондаков, Д. К. Тренев и М. И. Успенский, удастся осуществлять в современной

¹¹⁸ Параллельно, начиная с первых дней занятий, учащиеся осваивают технику и технологию традиционной иконы, выполняют сначала простые фрагменты и детали иконы — патетки, горки — и заканчивают более сложными фрагментами — многофигурными композициями. Со второго курса начинают выполнять сложные иконы под руководством преподавателя. Основной методический принцип работы в школе — это копирование образцов, изучение языка древней иконы при непосредственной работе с подлинниками. Для решения этой задачи учащимся предоставляется неоценимая возможность выезжать в музеи разных городов, где есть собрания икон, и работать непосредственно в экспозициях, созерцая и изучая иконы разных времен и стилей.

¹¹⁹ Иногда несколько учащихся выпускного курса выполняют ряд икон для иконостаса. Достаточно часто учащиеся выбирают темой своей дипломной работы житийную икону и разрабатывают сложную композицию, включающую образ святого в окружении сцен его земного жития.

¹²⁰ В своей «Программе для изучения иконописания» И. П. Сахаров, в частности, ратовал за то, чтобы «школы иконописания имели свои исключительные назначения: классическое образование иконописца, обладающего знаниями практическими и теоретическими, воспитание художника в духе нашей Православной Церкви независимого ни от каких западных влияний». Цит. по: Успенский 1903. С. 2.

УЧИЛИЩЕ ИКОНОПИСАНИЯ В СТЕНАХ ЛАВРЫ

иконописной школе при МДА, из стен которой выходят сегодня, будем надеяться, не ремесленники-копиисты, а образованные церковные художники, настроенные на решение сложных творческих задач.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсений, иеромонах 1873* — *Арсений, иеромонах*. Исторические сведения об иконописании в Троицкой Сергиевой Лавре // Сборник на 1873 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873. С. 119–133.
- Голубцов 1903* — *Голубцов А. П.* О начале, первых деятелях (1744–1759 гг.) и направлении иконописной школы Троице-Сергиевой Лавры // БВ. 1903. Т. 2. № 6. С. 237–258 (2-я пагин.).
- Голубинский 2007* — *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. СТСЛ, ³2007 (репринт с изд. 1909 г.).
- Троице-Сергиева Лавра в истории... 2000* — Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы международной конференции 29 сентября — 1 октября 1998 г. М., 2000.
- Успенский 1899* — *Успенский В. И.* Очерки по истории иконописания. СПб., 1899.
- Успенский 1903* — *Успенский М. И.* Проект И. П. Сахарова об устройстве школы иконописания. СПб., 1903.
- Черкашина 2000* — *Черкашина Г. П.* Иконописное дело Троице-Сергиевой Лавры 1764–1917 гг. (Общая характеристика деятельности иконописной мастерской) // Троице-Сергиева Лавра в истории... 2000. С. 369–384.